

ГЛАВА X.

Ночь св. Сантурина.

Утро роковаго дня.—Ручательство польскихъ генераловъ предъ Цесаревичемъ за благонадежность польскихъ войскъ.—Обѣдъ у Маркова.—Покушеніе на Бельведеръ.—Бунтъ въ школѣ подпрапорщиковъ.—Подвигъ юнкера Александра Аксюка.—Баронъ Притвицъ.—Предпріятіе подпрапорщиковъ противъ уланскихъ казармъ.—Нападеніе на конюшню 3-го эскадрона.—Подвигъ унтеръ-офицера Субботина.—Аттакъ поручиковъ Шервинскаго и Курселя.—Бѣгство мятежниковъ.—Потери полка.—Вторичное покушеніе противъ уланъ и вторичное бѣгство.—Тревога.—Приключенія ротмистра барона Розена и поручика Добровольскаго.—Движеніе поручика Курселя къ польскому банку.—Сборъ полка предъ Бельведеромъ.—Поручикъ Курсель занимаетъ выѣзды и заставы.—Бунтъ въ городѣ.—Выходъ русской кавалеріи на Мокотовское поле.

Утро 17-го ноября было ясно, съ небольшимъ морозцемъ, но вскорѣ поднялся южный вѣтеръ, нагналъ тучи и начало таять. Уланы готовились уже отправляться къ разводу, какъ пріѣхалъ ординарецъ и объявилъ, что разводъ отказанъ. Его Высочество, по обыкновенію, принялъ у себя въ залѣ только вѣстовыхъ и дежурныхъ отъ гвардейскихъ полковъ, затѣмъ далъ аудіенцію, окончилъ текущія занятія и удалился во внутренніе покои. Полкамъ приказано было заняться домашнимъ ученіемъ, и здѣсь-то офицеры, участвовавшіе въ заговорѣ, приказали солдатамъ быть послѣ обѣда въ готовности, на случай тревоги, что производилось довольно часто, и укрѣпить кремни на ружьяхъ. Городъ, среди глухой тишины, неволью обнаруживалъ какое-то затаенное безпокойство. Это была гнетущая тишина передъ бурей.

Великій Князь былъ извѣщенъ, что готовится *что-то*, но онъ презиралъ эти извѣщенія и оставался попрежнему въ Бельведерѣ, безъ всякаго караула. Лишь два-три безоружные инвалида служили у него дворовыми сторожами при воротахъ. Недѣли за двѣ до роковаго дня были получены депеши изъ Петербурга и Берлина, предупреждавшія о мятежныхъ приготовленияхъ. Цесаревичъ сообщилъ ихъ содержаніе собравшимся у него русскимъ и польскимъ генераламъ. Эти послѣдніе поклялись ему своею честью и жизнью, что никогда ничего опаснаго въ Варшавѣ быть не можетъ, что войска всѣмъ довольны, вѣрны и надежны, обыватели никѣмъ не притѣсняются и пользуются полнымъ спокойствіемъ и благосостояніемъ, что если и открыты кое-какіе тайныя кружки, то это вовсе не серіозный заговоръ, въ которомъ бы принимали участіе люди, вліяющіе на народныя идеи, а просто школьная, ребяческая сходка, отъ которой никогда не можетъ произойти что-либо серіозное ¹⁾. Точно также и русскіе офицеры весьма много заблуждались на счетъ своихъ польскихъ сослуживцевъ, съ которыми находились подъ командою общихъ высшихъ начальниковъ. Русскіе считали невозможнымъ, чтобы польскія войска, осыпаемые благодареніями и любовью Цесаревича, даже въ случаѣ общаго мятежа въ Варшавѣ, измѣнили присягѣ, данной своему военному знамени ²⁾.

Въ день 17-го ноября у П. В. Маркова былъ званый обѣдъ, на которомъ присутствовало нѣсколько нашихъ офицеровъ и почти всѣ русскіе генералы, составлявшіе обычный кружокъ «Марковскихъ посидѣлокъ». Генералъ Яндръ пріѣхалъ однимъ изъ послѣднихъ и привезъ съ собою двѣнадцать человѣкъ му-

¹⁾ Воспоминанія М. К. Максимовича, стр. 11.

²⁾ Ibid. стр. 19. Повѣствованіе о событіяхъ 17-го ноября въ Варшавѣ составлено на основаніи разсказовъ нашихъ однополчанъ бароновъ К. К. Притвица и А. Ф. Розена, П. П. Маркова, В. Д. Лобанова, а также записокъ, разсказовъ, воспоминаній и сочиненій М. К. Максимовича, В. Матвѣева, К. П. Колзакова, Ф. Смита, Шпацера, М. Мохнацкаго и Заливскаго.

зыкантивъ—богемцевъ, которыхъ онъ, въ это же утро, представлялъ Великому Князю. Богемцы за обѣдомъ стали играть какую-то тоскливую мелодію, и тѣмъ навели грусть на всѣхъ присутствовавшихъ. Марковъ далъ имъ 15 рублей и отпустилъ домой. Жандръ, чувствовавшій себя болѣе всѣхъ не въ духѣ, уѣзжая съ обѣда въ Бельведеръ, замѣтилъ Маркову, что не мѣшало бы имъ снова начать свои посидѣлки. Вскорѣ всѣ гости разъѣхались, кто домой, кто въ театръ, и самъ Марковъ отправился къ знакомому.

Уже смерклось; вечеръ былъ пасмуренъ и ненастенъ. По небу быстро мчались ключья разорванныхъ тучъ, гонимые вѣтромъ. Между ними луна то выныривала въ полномъ блескѣ, то пряталась въ томную дымку. Подпрапорщики и студенты, назначенные для нападенія на Бельведеръ, по одиночкѣ стали сходиться въ одну изъ рощъ Лазенковского парка. Пустынный мостъ, на которомъ, подъ сѣнію плакучихъ ивъ, возвышается бѣломраморная конная статуя Собиесскаго, назначенъ былъ, по своему уединенному положенію, сборнымъ пунктомъ заговорщиковъ. Здѣсь, вмѣсто ожидаемыхъ 32-хъ, сошлось только 13 студентовъ и пятеро подпрапорщиковъ. Взоры ихъ нетерпѣливо устремлены были на Солецъ, гдѣ долго не показывалось ожидаемое зарево: пламя охватило пивоварню только при третьемъ поджогѣ. Тогда заговорщики, вооруживъ студентовъ ружьями, взятыми тайкомъ изъ пирамидъ русскихъ подпрапорщиковъ, раздѣлились на двѣ партіи и двинулись къ Бельведеру. Одна партія заняла Бельведерскій садъ, чтобы помѣшать отступленію въ эту сторону, другая же, бѣльшая, направилась къ главному подъѣзду. Ворота были отперты. Двухъ инвалидовъ, посредствомъ угрозы смерти, принудили молчать. Пятеро заговорщиковъ остались здѣсь въ видѣ резерва, а остальные девять черезъ дворъ врываются во дворецъ, въ дребезги бьютъ зеркала и постры въ сѣняхъ и съ крикомъ: «смерть тирану!» ломятся въ комнаты верхняго этажа, гдѣ находились покои Цесаревича.

Великій Князь отдыхалъ послѣ обѣда. Онъ уже находился въ какихъ нибудь шести-семи шагахъ отъ своихъ убійцъ, когда камердинеръ Фризе, отстранивъ его насильно, захлопнулъ и замкнулъ на задвижку дверь въ то самое мгновенье, какъ заговорщики, исколовъ штыками вице-президента Любовицкаго, ожидавшаго въ смежномъ покоѣ, уже врывались въ опочивальню Цесаревича. Генералъ Жандръ, бросившійся внизъ, чтобы позвать людей, былъ принятъ въ потемкахъ за Великаго Князя и заколотъ на дворѣ тѣми пятью злодѣями, которые оставались въ резервѣ. — «Сходите внизъ! Онъ мертвъ!» кричали они со двора своимъ сотоварищамъ, и тѣ, послѣшая на этотъ крикъ, удалились изъ дворца столь же поспѣшно, какъ и пришли. Гонимые страхомъ отъ своего преступленія, они скрылись въ темнотѣ и, разсыпавшись въ близлежащей роцѣ, въ разбродъ поспѣшали къ мосту Собіесскаго.

Между тѣмъ вотъ что происходило въ районѣ казармъ нашего полка.

Въ то самое время, какъ двѣ партіи заговорщиковъ, назначенныхъ въ покушеніе на Бельведеръ, исчезли за Лазенковскою роцею, подпоручикъ Петръ Высоцкій, присутствовавшій при поджогѣ пивоварни, поспѣшилъ съ двумя своими сообщниками къ школѣ подпоручиковъ, ворвался къ нимъ въ учебный залъ и воззвалъ къ оружію. Подготовленные заранѣе подпоручики, съ криками «*do bronі!*» бросились къ оружейнымъ пирамидамъ и потомъ въ столовую, гдѣ имъ были розданы боевые патроны. Русскимъ юнкерамъ было объявлено, что они могутъ не присоединяться къ полицамъ. Одинъ изъ русскихъ подпоручиковъ Лейбъ-Гвардіи Волынскаго полка, Александръ Аксюкъ, какъ только мятежники вышли изъ залы, выскочилъ въ окно и бросился бѣжать въ казармы нашего полка, чтобы предупредить о грозящей опасности. Дежурнымъ по полку въ этотъ день былъ ротмистръ баронъ Притвицъ, котораго нашелъ Аксюкъ въ де-

журной комнатѣ, за чаемъ, вмѣстѣ съ остальными дежурными по эскадронамъ ¹⁾).

Наскоро сообщивъ барону Притвицу въ чемъ дѣло, Аксюкъ, по его приказанію поспѣшилъ затѣмъ же въ казармы подольскихъ кирасиръ, а оттуда пробрался подъ выстрѣлами мятежниковъ на противоположный конецъ города, въ казармы волынцевъ, и поднялъ тамъ тревогу ²⁾).

Выстроивъ подпрапорщиковъ на школьномъ плацу, Высоцкій повелъ ихъ въ числѣ 160-ти человекъ къ уланскимъ казармамъ; но достигнувъ водянаго рва, окружающаго наши бараки, онъ растерялся и не въ силахъ былъ отдавать приказанія. Уланъ, стоявшій на часахъ у моста, который велъ черезъ ровъ къ казармамъ, видя во главѣ остановившейся пѣхотной команды двухъ офицеровъ и не подозрѣвая съ ихъ стороны злаго умысла, взялъ саблю «на-крау.гъ» и продолжалъ отдавать имъ воинскую почесть все время, пока тѣ въ замѣшательствѣ совѣщались между собою—слѣдуетъ ли умертвить его или не слѣдуетъ. Наконецъ, бѣднягу такъ и убили во время отдаванія чести. Онъ и не шкнулъ. Тогда часть подпрапорщиковъ бросилась черезъ мостъ во дворъ и стала стрѣлять—сначала безцѣльно, а потомъ по выбѣгавшимъ уланамъ; другіе же изъ нихъ заняли мѣсто въ открытыхъ дверяхъ конюшни 3-го эскадрона, примыкавшей угломъ къ мосту, и пронизывали ее пулями. Одновременно съ этимъ баронъ Притвицъ, только что выслушавъ Аксюка, велѣлъ трубачу трубить тревогу и бросился къ 3-му эскадрону, бывшему въ этотъ день дежурнымъ. Люди сидѣли за ужиномъ, когда неждан-

¹⁾ Вотъ нарядъ этого дня: дежурными: по карауламъ 3-го отдѣленія—полковникъ Витте, по полку—ротмистръ баронъ Притвицъ, по эскадронамъ: Его Высочества—корнетъ графъ Ридигеръ, полковника Витте—поручикъ Курсель, полковника князя Воронцова—корнетъ Шервинскій, командирскаго—корнетъ Гурьевъ.

²⁾ За этотъ подвигъ Аксюкъ былъ произведенъ въ прапорщики въ свой полкъ и пожалованъ орденомъ св. Анны 4-й степени. (Приказъ по гвард. корпусу отъ 7-го января 1831 г. за № 2).

но застигли ихъ звуки выстрѣловъ и тревоги. Въ поныхахъ бросились они къ конюшнямъ, гдѣ 3-й эскадронъ подъ продольными выстрѣлами мундштучилъ лошадей и подтягивалъ подпруги.

— Панове, въ дахъ! въ дахъ! ¹⁾ раздавались со двора крики мятежниковъ:—стрѣляйте въ крышу! Тамъ у нихъ и сѣно и солома!

— Жги! поджигай! вопли другіе,—и вотъ, одинъ изъ подпрапорщиковъ подложилъ къ наружной стѣнѣ конюшни мѣшокъ съ порохомъ, другой сталъ поджигать на немъ пукъ соломы, но въ это самое время унтеръ-офицеръ 3-го эскадрона Данило Субботинъ бросился на него съ саблею, и тупымъ клинкомъ отрубилъ злодѣйскую руку. Нѣсколько выстрѣловъ и ударовъ штыками были мстью за это самоотверженіе и, обливаясь кровью, Субботинъ упалъ на землю. Пукъ соломы вспыхнулъ, но къ счастью пороховой мѣшокъ не занялся, и только что вздумали было поджигать его вторично, какъ нѣсколько уланъ, не успѣвшихъ еще выбраться изъ конюшни, съ саблями и пиками бросились на поджигателей и прогнали ихъ. Межъ тѣмъ дежурный по 3-му эскадрону поручикъ Шервинскій успѣлъ съ пятью уланами выскочить верхомъ изъ конюшни въ противоположныя двери и бросился во флангъ толпѣ мятежниковъ, которые пытались перебѣжать черезъ дворъ къ 2-му эскадрону. Одновременно съ Шервинскимъ, поручикъ Курсель, во главѣ тридцати пѣшихъ уланъ 2-го эскадрона, бѣгомъ пустился въ пики на атакующихъ подпрапорщиковъ съ фронта. Мятежники изъ заднихъ рядовъ и, главнѣйшимъ образомъ, тѣ, которые стояли въ бездѣйствіи позади моста, на большой дорогѣ, первые обратились въ бѣгство къ Собіесскому мосту. За ними, въ паническомъ страхѣ, послѣдовали и остальные, и такимъ образомъ первое нападеніе было отбито. Мы потеряли при этомъ 18 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными, и до 30 лошадей, изъ коихъ убито

¹⁾ Господа, въ крышу! въ крышу!

тоже 18, пало отъ ранъ 5, а остальные 7 оказались не способными къ продолженію службы за ранами ¹⁾).

Остановившись у статуи Собіесскаго и переведа духъ, предводители мятежа, чтобъ исправить ошибку, происшедшую отъ внезапной паники, вторично повели школу противъ уланскихъ казармъ. Но и во второй разъ не оказались подпоручики ни предприимчивѣе, ни искуснѣе: никто не озаботился овладѣть мостами черезъ рвы, чтобы запереть кавалерію въ ея казармахъ. Передовые, перейдя мостъ съ большой улицы, рассыпались при вѣздѣ на полковой дворъ; но увидя построившихся уланъ, вторично поддались паническому страху, и на этотъ разъ обратились въ бѣгство уже не задніе, а бывшіе впереди. Опять снѣшать они въ величайшемъ безпорядкѣ къ Собіесскому мосту, угрожая другъ другу смертію за малѣйшій признакъ трусости, и осылая проклятіями польскихъ егерей, которые, по предварительному уговору, должны были явиться къ нимъ на помощь. Дабы ускорить ихъ прибытіе былъ посланъ одинъ изъ заговорщиковъ, который однако тотчасъ же воротился съ тревожнымъ извѣстіемъ, что егерей не видно, а русскіе кирасиры въ полномъ движеніи, и кажутся, съ тою цѣлью, чтобы отрѣзать имъ обратный путь. Въ подтвержденіе этихъ словъ, увидѣли мятежники въ ту же минуту подольскихъ кирасиръ, которые, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, на-рыскахъ тянулись длинною колонною между городомъ и Собіесскимъ мостомъ. Путь отъ кирасирскихъ казармъ къ Бельведеру, у подошвы Уяздовскихъ высотъ, пересѣкалъ дорогу отъ Собіесскаго моста къ Уяздовскому госпиталю и оставлялъ этотъ мостъ влѣво. Подпоручики, соединяя здѣсь съ частію убійцъ Бельведера и считая себя отрѣзанными и погибшими, бросаются съ дороги въ роуцу, мимо которой должны были проходить кирасиры, и усилъваются достигнуть ея опушки. Смятеніе ихъ увеличивалось

¹⁾ Донесеніе г.-м. Маркова г.-м. Герштенцвейгу отъ 31-го декабря 1830 г. за № 39. (Полк. арх. журн. поход. бум.)

тубными звуками русской тревоги, раздававшейся вокруг; они въ отчаяніи шепчутся между собою, что егеря ихъ выдали, и снова осыпаютъ угрозами смерти всякаго, кто навлечетъ на себя подозрѣніе въ трусости или измѣнѣ.

Кирасиры, еще въ казармахъ завидя неподалеку пожаръ и слыша ружейные выстрѣлы, усиѣли безпрепятственно сѣсть на коней и двинуться къ Бельведеру. При поспѣшности 1-го дивизиона случилось такъ, что задніе эскадроны немного отстали; въ этотъ-то промежутокъ бросились бѣгущіе подпрапорщики, черезъ что и удалось имъ ускользнуть. 2-й дивизионъ, ничего не зная о случившемся, остановился, чтобы дать имъ время очистить дорогу, и тогда уже продолжалъ свое движеніе къ Бельведеру. Подпрапорщики, съ своей стороны, стремились достигнуть поскорѣе возвышенія между кофейной, извѣстной подъ именемъ «Кавы вѣйской» ¹⁾, и Радзивилловскими казармами.

Въ это время офицеръ нашего полка, ротмистръ баронъ Розенъ, случайно узнавъ отъ прибѣжавшаго къ нему эскадроннаго писаря Осѣкина, что вблизи происходитъ нѣчто неладное, поспѣшалъ пѣшкомъ на звуки тревоги къ своимъ казармамъ, вмѣстѣ съ однополчаниномъ нашимъ, корнетомъ Добровольскимъ, который зашелъ-было къ нему поиграть въ шахматы. Благодаря своей находчивости и присутствію духа, барону Розену удалось пройти чрезъ караулъ отъ сводно-егерскихъ ротъ, выставленныхъ митежниками, въ количествѣ одного взвода, на поворотѣ изъ города въ Вѣйскую улицу. Молодой офицерикъ, начальникъ этого караула, услышавъ самоувѣренный и повелительный голосъ ротмистра, смутился и не посмѣлъ отказать ему въ пропускѣ. Баронъ Розенъ даже приказалъ было караулу слѣдовать за собою; но пройдя нѣкоторое разстояніе, прапорщикъ, по наущенію старшаго унтеръ-офицера, отказался идти

¹ Сельская кофейня.

далѣе, подѣ предлогомъ, что не смѣетъ покинуть ввѣренный ему постъ. Во время этой послѣдней остановки, нагналъ барона Розена и Добровольскаго подполковникъ Гродненскаго гусарскаго полка Риземанъ. Отправивъ назадъ егерей, они втроемъ продолжали скускаться внизъ по Вѣйской улицѣ, какъ вдругъ замѣтили шагахъ въ семидесяти впереди себя приближавшуюся толпу подпрапорщиковъ. Луна, какъ на зло, въ эту самую минуту сіяла полнымъ своимъ блескомъ, и темныя фигуры трехъ нашихъ путниковъ весьма отчетливо рисовались на освѣщенномъ полотнѣ шоссеиной дороги. Двѣ черныя уланскія шапки не оставляли подпрапорщикамъ сомнѣній, что предъ ними было трое «москалей». Вдругъ впереди сверкнуло нѣсколько молній, зарокоталъ короткій залпъ—и добрый десятокъ пуль просвисталъ мимо ушей нашихъ офицеровъ. На мгновение они остановились въ недоумѣніи и поспѣшили укрыться въ тѣнь пирамидальныхъ тополей, окаймлявшихъ дорогу. Теперь и для нихъ, въ свой чередъ, не осталось сомнѣній, что впереди приближаются миткежники. Надежда на спасеніе представлялась весьма слабая и заключалась единственно въ томъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ была прорѣзанная въ деревянномъ заборѣ калитка, которая вела въ садикъ «Вѣйской кавы». Хорошо, если удастся до нея добраться и если она не заперта; въ противномъ же случаѣ ждетъ неизбѣжная гибель. Шепотомъ и наскоро совѣщаясь между собою объ этомъ обстоятельствѣ, вдругъ услышали наши офицеры позади себя быстрый топотъ конскихъ копытъ, и почти въ ту же минуту мимо ихъ промчался внизъ на полномъ карьерѣ всадникъ, очевидно, нагонявшій свои эскадроны.

Наши, при полномъ свѣтѣ луны, успѣли мелькомъ разглядѣть черты его лица изъ-подъ высокаго гребня кирасирской каски; это былъ полковникъ Подольскаго полка флигель-адъютантъ Клюпфель. Онъ мчался, не подозревая опасности, и остановить или предупредить его не было никакой возможности. Глядя во слѣдъ ему,

баронъ Розенъ считалъ уже его погибшимъ, какъ вдругъ—(и это замѣчательный примѣръ того эффекта, который производитъ на неприспособленную пѣхоту не то-что конный строй, а даже единичный несущійся всадникъ!)—толпа подпрапорщиковъ, подъ вліяніемъ чувства самохраненія, инстинктивно раздалась въ обѣ стороны, въ одно мгновенье очистила дорогу и безпрепятственно пропустила Клюпфеля мимо себя. Только во слѣдъ ему зарокоталъ залпъ, но къ счастью, какъ оказалось потомъ, совершенно безвредный. Этимъ-то случайнымъ моментомъ и воспользовались трое нашихъ путниковъ: незамѣченные никѣмъ, они успѣли добѣжать до калитки, которая, на ихъ счастье, не была затворена.

Переступивъ порогъ, они тотчасъ же замкнули ее на засовъ и укрылись въ тѣни кустовъ у забора. Не далѣе какъ чрезъ минуту мимо калитки уже проходила ватага подпрапорщиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ толкали ее руками и пробовали прикладами; ясно слышны были ихъ озлобленные голоса, выражавшіе недоумѣніе—куда это вдругъ могли исчезнуть эти трое «пршеклен-тыхъ москалювъ», которыхъ непременно слѣдуетъ сейчасъ же прикончить на мѣстѣ; нашимъ путникамъ слышно было, что ихъ ищутъ подъ деревьями и около забора, но видя безуспѣшность своихъ поисковъ, подпрапорщики, вѣроятно, махнули рукою и прошли далѣе. Когда уже совершенно замолкъ въ отдаленіи звукъ ихъ шаговъ, наши рѣшились покинуть свое убѣжище и пустились къ Лазенкамъ.

Вскорѣ по этой же улицѣ прослѣдовалъ въ городъ поручикъ Курсель, который по приказанію начальника дивизіи, генерала Курнатовскаго, успѣвшаго къ тому времени прибыть къ уланскимъ казармамъ, велъ на полныхъ рысяхъ одинъ взводъ 2-го эскадрона, съ цѣлью развѣдать и попытаться, нельзя ли проникнуть къ варшавскому банку. Подпрапорщики, услышавъ позади себя конскій топотъ этого взвода, бросились въ недостроенныя еще Радзивиловскія казармы, и едва подѣхали уланы къ

тому мѣсту, какъ по нимъ былъ открытъ огонь изъ дверей и оконъ. Курсель, конечно, не могъ предпринять что-либо серьезное противъ пѣхотинцевъ, занимавшихъ строеніе, особенно при ночной темнотѣ, и потому повернулъ назадъ потерявъ двухъ лошадей убитыми и четырехъ солдатъ легко ранеными ¹⁾). Вытѣсняя по пути въ аллеяхъ появившіяся тамъ и сямъ мелкія кучки подпрапорщиковъ, вмѣстѣ съ приставшими къ нимъ городскими разночинцами, Курсель прибылъ къ Бельведеру почти одновременно съ полкомъ, который прискакалъ сюда подъ командою барона Притвица. Такимъ образомъ весь полкъ, менѣе чѣмъ въ двадцать минутъ послѣ перваго выстрѣла, почти въ полномъ составѣ собрался у дворца Его Высочества.

На площадкѣ предъ дворцомъ стоялъ эскадронъ кирасирскаго полка, впереди котораго, верхомъ и закутанный въ шинель, при тускломъ свѣтѣ фонаря, рисовался сплузѣтъ Великаго Князя, а за нимъ небольшая группа генераловъ, тоже верхами. Далѣе колебались флюгера эскадроновъ, приведенныхъ Притвицемъ. Точно гора свалилась съ плечъ у нашихъ уланъ, когда они увидѣли Цесаревича въ живыхъ и окруженнаго русскою свитой и своими вѣрными русскими эскадронами. Около Его Высочества находились уже генералы: Курута, Кноррингъ, нашъ Марковъ, Штрандманъ, Данненбергъ, Колзаковъ и нѣсколько адъютантовъ. Увидя взводъ приведенный Курселемъ, Великій Князь подѣхалъ къ этому послѣднему и лично отдалъ ему приказаніе — занять частями 2-го эскадрона всѣ выѣзды и заставы, отъ Мокотовской рогатки до Калишскаго шоссе, что и было исполнено. Въ это время подоспѣлъ еще Гродненскій гусарскій полкъ, а вскорѣ вслѣдъ за нимъ и польско-гвардейскіе конные егеря, приведенные генераломъ Курнатовскимъ, вмѣстѣ съ польско-егерскими ротами, которыя, совместно съ подпрапорщиками, должны были совершить нападеніе на

¹⁾ Ф. Смитъ, ч. I, стр. 138—139 и В. Матвѣевъ, стр. 17.

казармы русской кавалеріи. Роты эти попали сюда чисто случайно, не осмѣлясь сопротивляться Курнатовскому, который, во главѣ конно-егерей, застигъ ихъ на Александровской площади въ то самое время, когда онѣ разбирали изъ крестьянской телѣги подвезенные къ нимъ боевые патроны, и приказалъ двигаться предъ собою по Уздовской аллеѣ къ Бельведеру.

Съ прибытіемъ ихъ, Великій Князь чудеснымъ образомъ вторично избѣгъ смертной опасности. Въ то время, какъ Его Высочество, подѣхавъ къ ротамъ, увѣщевалъ солдатъ не забывать долга своей присяги, одинъ изъ заговорщиковъ, егерскій подпоручикъ Волосчанскій, взялъ солдатское ружье и прицѣлился; но ружье осѣкалось три раза, послѣ чего убійца швырнулъ его на землю и скрылся въ темногѣ Уздовскихъ каштановъ. Межъ тѣмъ увѣщаніе Цесаревича подѣйствовало если не на офицеровъ, то на солдатъ, и такимъ образомъ егерскія роты оставались въ теченіи двухъ съ половиною сутокъ лучшею защитою русской кавалеріи и Бельведера, будучи поставлены въ Уздовской аллеѣ, въ видѣ авангарда, подъ командою русскаго начальника, генерала Данненберга.

Ночь была темная и холодная. Дождь окрашивалъ съ изморозью. Въ городѣ уже начиналось смятеніе. Прохожіе быстро пробирались по мокрымъ тротуарамъ, иные бѣгомъ, — и слышенъ былъ повсюду отрывистый, несвязный говоръ. Нѣсколько «дружекъ», дребезжа по неровной мостовой, проѣхали вдоль по «Новому Свѣту» и «Краковскому предмѣстью». Въ одномъ изъ этихъ экипажей, стоя, мчался подпрапорщикъ Нико и, махая рукою, кричалъ: «Къ оружію, поляки! Москали рѣжутъ!» — Вслѣдъ за нимъ проскакали двое какихъ-то всадниковъ, одинъ изъ которыхъ, махая обнаженною саблей, тоже кричалъ: «Polase, do bronі!» — Лавки и магазины спѣшно начинали затворяться, ставни и ворота захлопывались.... Около костела «Святого Кржижа» раздавались неистовые крики и пѣсни буйной толпы: то былъ 4-й пѣхотный полкъ, излюбленные «Чвартаки», шедшіе въ без-

порядкѣ и во всю ширину улицы къ варшавскому арсеналу. Они останавливали встрѣчные экипажи и, при малѣйшемъ сопротивленіи или колебаніи, пронизывали ихъ пулями. Впереди ѣхалъ ксендзь, верхомъ, съ обнаженною саблею въ рукѣ, и возбуждалъ народъ къ возстанію. Нѣсколько пьяныхъ, простоволосыхъ женщинъ шли посреди толпы, обнявшись съ солдатами и чернью. Все это пѣло, орало, вопило и безъ надобности стрѣляло изъ ружей. На небѣ видѣлось въ двухъ мѣстахъ зарево отъ пожаровъ, и звукъ набата раздавался въ отдаленіи. Съ помощью мятежныхъ солдатъ, варшавская чернь овладѣла арсеналомъ и разграбила его. Кабаки и тюрьмы были разбиты, вино выпито, преступники выпущены на свободу, многія лавки и магазины, а также частныя квартиры и дома, въ особенности русскіе и еврейскіе, окончательно разграблены и разорены. Въ этотъ несчастный вечеръ и въ ночь было убито разъяренною чернью, подрапорщиками и солдатами нѣсколько достойныхъ польскихъ генераловъ и штабъ-офицеровъ, сохранившихъ до послѣдняго издыханія вѣрность своему законному Государю. Они погибли за то что не хотѣли признавать въ горсти студентовъ, писцовъ и газетчиковъ, въ ватагѣ увлеченныхъ солдатъ и въ толпѣ пьяной черни достойныхъ представителей свой націи.

По свидѣтельству очевидцевъ, то была поразительно-страшная ночь. Всѣ благонамѣренные люди заперлись и заложили ворота и двери; на улицахъ и площадяхъ шаталась только чернь. Повсюду у запертыхъ воротъ былъ слышенъ стукъ и раздавались крики людей, хотѣвшихъ войти или для того чтобы спастись отъ рукъ убійцъ, или чтобы отыскивать въ домахъ обреченныя жертвы. Имѣвшій личнаго врага долженъ былъ трепетать, потому что подъ видомъ публичной мести удовлетворяли тайной. Непрерывно слышались на улицахъ или глухой шумъ, раздававшійся издали, или ружейная пальба; то наступала вдругъ тишина, то опять неслоь пронзительное завываніе черни: «do broni, Polace, do broni!» или слышался шумъ экипажей и то-

потъ быстро скачущихъ офицеровъ. Толпы вооруженной черни, съ шумомъ идущія войска, перепуганные бѣглецы съ блѣдными лицами—все это безъ толку и цѣли стремилось куда-то по улицамъ, озареннымъ заревомъ пожара. Никто не спалъ, все приготавлилось къ ужаснѣйшимъ событіямъ, и многіе съ трепетомъ ожидали дальнѣйшихъ послѣдствій.

Между тѣмъ къ Бельведеру по одиночкѣ собиравлись русскіе офицеры, въ расплохъ захваченные среди города вѣстью о возстаніи. Мѣстность вокругъ дворца была стѣснена деревьями, аллеями и строениями, такъ что для кавалеріи не представлялось возможности дѣйствовать, а русская пѣхота, квартировавшая въ противоположномъ концѣ города, не могла еще подойти такъ скоро. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, состоявшій при Цесаревичѣ, бывшій адъютантъ его, контръ-адмиралъ П. А. Колзаковъ, сталъ упрашивать Его Высочество отъѣхать за двѣ версты отъ города, къ деревнѣ Вержбѣ, противъ которой на Мокотовскомъ полѣ могли бы свободно расположиться войска. Совѣтъ Колзакова былъ поддержанъ и другими генералами, такъ что Великій Князь, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился, съ мнѣніемъ своихъ подчиненныхъ и приказалъ кавалеріи начать отступленіе, а егерскимъ ротамъ съ конно-егерскимъ полкомъ,—какъ сказано выше,—оставаться въ аллеѣ для прикрытія. Супруга Его Высочества, рѣшительно объявившая, что низачто не согласится разстаться съ нимъ, на разсвѣтъ 18-го числа сѣла въ карету и выѣхала изъ Бельведера вслѣдъ за уланами. Великій Князь со свитою провожали ее верхами, а сзади ихъ пошли подольскіе кирасиры.

Цесаревичъ заблагоразсудилъ остановиться около шоссе, на малоїи верябенской фермѣ, гдѣ жилъ сыроварь-французъ, славившійся въ Варшавѣ выдѣлкою невшательскихъ сыровъ. Ферма эта представляла нѣчто въ родѣ убогой мазанки о трехъ комнатахъ. Сѣлся холодный дождь, когда подъѣхали къ этой мазанкѣ карета Княгини и Цесаревичъ со свитою. Тамъ еще

всѣ спали, но разбуженное семейство хозяина тотчасъ же развело очагъ, наставило самоваръ—и Ихъ Высочества, размѣстясь въ двухъ тѣсныхъ комнаткахъ, отогрѣвались и пили чай, при свѣтѣ двухъ сальныхъ огарковъ.

Три русскіе кавалерійскіе полка расположились бивуакомъ на Мокотовскомъ полѣ, между Вержбой и Бельведеромъ. Наши уланы 2-го эскадрона оставались на постахъ предъ городскими выѣздами и рогатками. Мимо нихъ все время проѣзжали въ разныхъ экипажахъ русскія семейства, случайно успѣвшія безъ препятствій выѣхать изъ Варшавы. Всѣ они стремились къ Вержбѣ, гдѣ и располагались кто какъ могъ, а большею частию въ своихъ же экипажахъ. Рѣдкіе костры, сквозь прихло дождя и тумана, печально и тускло горѣли на кавалерійскихъ бивуакахъ. Весь русскій станъ былъ оцѣпленъ часовыми, и уланы безпрестанно высылали конные патрули.

Мятежныя войска расположились бивуакомъ вокругъ арсенала, и банка, а гвардейскіе конно-егеря—противъ ихъ, на Саксонской площади и въ близлежащихъ улицахъ. До самаго утра съ обѣихъ сторонъ обнаруживалось большое безпокойство среди ежемгнутныхъ ожиданій печальнаго нападенія, и такимъ образомъ прошла вся эта злополучная ночь на 18-е ноября, названная поляками «ночью святаго Сантурина» ¹⁾.

¹⁾ Въ честь Святаго, празднуемаго католиками на это число.